

Обняв колени, Бейлдаг почувствовал, что его слезы и эмоции иссякли, последние усики пламени погасли на костре Цин-Цин. С ней погибли все его надежды и мечты, остались лишь скудные воспоминания, навсегда запятнанные ее потерей. Теперь, когда она ушла, по-настоящему ушла, было трудно даже представить, что когда-нибудь снова будет весело. Такая прекрасная и яркая в жизни, теперь она была всего лишь пылающими угольками и почерневшим пеплом. Какой смысл жить, если это все, что осталось после смерти?

Молча отступая в пустоту, Бейлдаг свернулся клубочком и попытался забыться, раствориться в небытии, отвергнув гнилой мир, который украл его любовь. Для него больше ничего не осталось. Найти Цин-Цин только для того, чтобы потерять ее, прежде чем он успел разделить с ней поцелуй, это было свидетельством того, насколько несправедливым был мир. Если Мать действительно была такой сильной и любящей, как рассказывают, то почему она допустила такую несправедливость, такую жестокость?

Почему он родился не в другое время и не в другом месте, где он и Цин-Цин могли бы быть вместе, состариться вместе, умереть вместе? Лучше сдаться сейчас и воссоединиться с ней гораздо раньше.

— Босс, у нас проблема. — Голос из мира вторгся в мысли Бейлдага, и он проигнорировал его, желая только одного - чтобы его оставили в покое. Пусть брат разбирается со всем миром. Голос продолжал настаивать, даже осмеливаясь встряхнуть Бейлдага, нарушая его приступ жалости к себе. — Босс, вы меня слышите? ... Босс? Проснитесь! Черт поberi, что, черт возьми, произошло? Приходите в себя, босс, вы нам нужны.

Любопытно, почему брат не справлялся с этой неприятностью, он оглянулся и сразу же понял в чем проблема. Брат вяло дрейфовал по пустоте, без сознания и невосприимчивый, а за ним следовал мерцающий водоворот призраков. Неудивительно, что он обо всем не позаботился, брат, должно быть, задремал во время бдения Бейлдага. Хотя он, должно быть, изнемогал от недель, проведенных уклоняясь от призраков, брат еще не спал, чтобы помочь Бейлдага пережить его горе. Ничего нельзя было сказать или сделать, чтобы помочь, но, по крайней мере, брат пытался. Это все был напрасный труд, но Бейлдаг оценил поступок. Неважно, пришло время исчезнуть и позволить ему прожить свою жизнь как Падающему Рейну, герою Империи, без бремени в виде Бейлдага, никчемного дурака.

Борясь с нерешительностью и безразличием, Бейлдаг изучал спящую фигуру брата. Изможденный и уставший, брат был в худшем состоянии, чем когда-либо, хотя это была просто ментальная проекция. Если он так себя чувствовал, значит, брат ужасно страдал. Ему понадобятся силы на несколько дней вперед, и Бейлдаг решил, что поможет, насколько сможет, прежде чем отправиться на поиски Цин-Цин. Вернувшись к своему телу, он наблюдал, как Равиль расхаживает, бормоча себе под нос.

— Черт, черт, что мне делать?

Лучше покончить с этим как можно скорее, все казалось неправильным. Воздух пропах, краски потускнели, деревья сомкнулись вокруг него.

— В чем проблема? — Он просто хотел, чтобы его оставили в покое.

Вспрыгнув на месте, Равиль мгновенно пришел в себя и упал на колени, чтобы осмотреть Бейлдага.

— О, спасибо матери, я думал, что вы сошли с ума, уставившись вдаль. Видел, как это случилось с несколькими воинами в мое время. — Нервно потирая голову, Равиль вздохнул. — Этот старый ублюдок, он ускользнул, пока я мочился, исчез, как чертов призрак. Люди ищут его, но я не настроен оптимистично. Даже если они найдут его, они ничего не могут сделать.

Нахмурившись, Бейлдаг рыскал в своих воспоминаниях и ничего не знал о том, что произошло после того, как брат взял верх. Какой старый ублюдок?

— Разве это проблема? — Бейлдаг чувствовал себя совершенно бесполезным. Возможно, ему все-таки стоит разбудить брата.

— Эммм... — Застигнутый врасплох вопросом, Равиль на несколько секунд застыл на месте, а Бейлдаг проклинал себя за глупость. Ему следовало держать рот на замке или хотя бы задать вопрос получше. Как только он собрался вернуться в пустоту, чтобы разбудить брата, Равиль вышел из шока. — Ну, пожалуй, нет. Все еще жив, и старый ублюдок уже дал клятву молчания, так что он не будет визжать о Материнском Ополчении. Думаю, я слишком много думал, когда ты попросил меня присмотреть за ним... — Дрожа, Равиль добавил: — А как насчет Чистки? — В ответ на пустой взгляд Бейлдага, он продолжил, — разве вы не пытались все отложить? Он разрушит ваши планы. Я полагаю, у вас есть... друзья? Люди, которых вы хотите найти, прежде чем армия пронюхает о демоне и заблокирует район. Нам нужно выдвигаться сейчас, любой пойманный будет подвергнут расследованию, и армии будет плевать, когда дело дойдет до вспышки внутри границ. Как они говорят: 'там, где есть один, есть дюжина', и 'лучше сотня мертвых гражданских, чем дыхание одного Оскверненного'.

Мир сомкнулся вокруг него, когда он понял слова Равиля, его желудок скрутило от ужаса. Чистка. Все его действия были напрасны, все те, кого он спас из деревни Цин-Цин, все еще обречены на смерть, только на этот раз от рук Империи. Если бы он проигнорировал бедственное положение жителей и оставил их оскверненным, он мог бы забрать Цин-Цин в целостности и сохранности.

Если бы не его глупые мечты о героизме, она была бы жива.

Почему он потратил свои усилия на спасение этих жителей? Он ничего им не был должен, их помощь была оплачена, Джен сдался тьме. Потому что он был слишком мягок, глупо помогая тем, кто отвергал его. Он должен был развернуться и уйти, как только увидел эти следы, зная, что ничего хорошего из этого не выйдет. Тщетные усилия, которые стоили Цин-Цин ее жизни, все, что он делал, каждый его выбор приводил к неудаче и смерти. Зачем он вообще беспокоился? Что ему теперь делать?

Отмщение.

Единственное, безмолвное слово, прошептанное его разумом, резкое и противоречивое для его ушей. Хотя он и знал, что призраки пытаются манипулировать им, но они не ошибались. Если Мать не хочет вершить правосудие, то у него нет другого выбора, кроме как вершить его самому. Кровью Цин-Цин были покрыты не только его руки, были и другие, кто должен был заплатить. Если армия будет действовать достаточно быстро, возможно, они даже поймут других преступников. Джен, Бэй, Смеющийся Дракон и его группа оскверненных, всех их голов будет недостаточно, чтобы успокоить его ярость, но это будет только начало. Что бы ни пытался сделать брат, его вводили в заблуждение сочувствие и сострадание.

— Равиль, какой самый быстрый способ сообщить об оскверненных?

— Без вашего Жетона нам придется использовать Материнское Ополчение. Они могут донести

сообщение до Сумилы и Растрама за три дня. Оттуда они свяжутся с майором, и она начнет действовать. Мы пошлем сообщение всем, кого вам нужно вытащить, возможно, даже переместим Ополчение дальше на север, хотя найти новое убежище будет сложно.

— Хорошо. — Еще было светло, несколько часов пути приблизили бы их к цели. Поднимаясь на ноги, Бейлдаг чуть не упал плашмя на лицо, его ноги онемели и бесполезны от многочасового сидения. — Приведи мою лошадь, мы немедленно отправляемся. — Три дня, мало шансов поймать Джена и остальных, но все равно стоит попробовать. Прогнав Равиля, чтобы тот выполнил приказ, Бейлдаг прислонился к дереву и стал ждать, пока кровь не стечет ему в ноги, решив, что у него есть цель. Так было лучше, Бейлдаг будет нести бремя вины, его больше не заботят невинные.

Детеныши подошли к нему, стоя на двух ногах с вытянутыми лапами, ища тепла и ласки. Прижимая их обоих к себе, как это делала Цин-Цин, он качал маленьких животных, пока они прижимались к нему. Бедные детеныши, лишенные матери дважды за такое короткое время. Но он отомстит за их потерю, как и за Цин-Цин.

Он получит свое возмездие любой ценой, и каждый, кто попадется на его пути, будет винить в своей судьбе только Мать.

Удушающий крик пронзил лес, разбудив Джена от его приятных снов. Зевая, он проснулся и вдохнул запах крови и смерти, оглядываясь с улыбкой на лице, когда крик резко оборвался. Под звуки боя, подпрыгивая на ногах, он любовался оранжево-красным светом заходящего солнца, освещавшим окрашенные кровью листья, - чарующая перспектива для него.

Все это было связано с тем, что он открыл себя миру, приняв истины, которые дворяне надеялись сохранить в тайне. Без них он никогда бы не заметил такой красоты за сто лет, попусту тратя свою жизнь, трудясь в безымянной деревне. Он показывал всем, как они ошибаются, просвещал их, давал им силы. Чертовски стыдно, что только Бэй удалось открыть глаза и только она смогла принять истину.

Ах, его прекрасная невеста, ее преображение казалось чудом. Не только внешностью, но и отношением, молчаливая и покорная, с соблазнительной, покачивающейся походкой и кокетливыми манерами, она стала идеальной женой. Удовлетворенный наблюдением за ней во время игры, его глаза упивались видом ее розово-кристаллической плоти, ее сочных, вишнево-красных губ и ее сладострастной фигуры песочных часов, когда она рвала солдата пополам, посылая в воздух струи крови и внутренностей.

Совершенство.

Ну, почти. Боевые шрамы все еще покрывали ее кожу, мириады трещин напоминали паутину. Этот проклятый старый дед сунул свой нос туда, где ему не место, вмешавшись в планы Джена разорвать Бейлдага на куски прямо перед глазами Цин-Цин. О, как это было бы мило...

Игры закончились слишком рано, действия Бэй беспощадны и безжалостны, как и должно быть. Подойдя к ней, он положил руку ей на затылок, пока она готовила еду, хорошая жена, обеспечивающая мужа. Трупы таяли в ее руках, и она впитывала их в свое тело, ее плоть восстанавливалась на его глазах. Когда она повернулась, чтобы посмотреть на него, он посмотрел на свою работу, на треугольный узор огненной кочерги, отмечающий ее безликое

лицо, как будто она носила обтягивающую маску, которая оставляла свободным только рот. Нахмурившись, он крепко сжал ее шею.

— Покажи мне свои глаза, жена. Так ты мне нравишься больше.

Ее голова наклонилась влево, затем вправо в детском любопытстве, ее длинный язык бегал по губам. На мгновение он подумал, что должен преподать ей урок, готовясь обнажить когти, когда резко появилось лицо Бэй. Плоское изображение, наклеенное под ее кожей, глаза, наполненные страхом и ненавистью, точно такие же, какими он их помнил.

— Идеально. — Он наклонился, чтобы поцеловать ее, она страстно прощупала его рот языком, питая его восхитительным нектаром, приготовленным из растворенной плоти их врагов.

От поцелуя у него перехватило дыхание, он оторвался, аппетит был утолен, ноги ослабли, кровь закипела от вожделения. Споткнувшись, он упал на землю и сидел неподвижно, его кровь пульсировала, нектар укреплял его тело, его нефритово-белые и огненно-красные руки пульсировали в приятной агонии. Пока он ждал, Бэй пробиралась и в течение нескольких минут, оставшиеся трупы патрульного подразделения были растворены и уничтожены. Очень эффективно, почти двадцать с лишним солдат, от которых ничего не осталось, кроме разрушенных доспехов и оружия. Ее кожа блестела и мерцала, когда жидкость перемещалась под ее кожей, захватывающее зрелище бесчисленных цветов, движущихся в гипнотических узорах. Когда она подняла его на руки и унесла, он прижался щекой к ее груди, изучая завораживающие узоры и слушая, как течет кровь ее жизни, удовлетворенный и спокойный.

Это правда, хороший муж - хорошая жена. Если бы только у него было время показать Цин-Цин ту же любовь и привязанность, открыть ей глаза на правду.....

Выйдя из тумана блаженной эйфории, он моргнул и огляделся, мир вернулся в фокус. Темная ночь была окрашена оттенком красного, его новые дары позволяли ему видеть вещи ясными, как день. Укачиваемый в объятиях жены, он понял, что больше не одинок, узнав остатки головешек Смеющегося Дракона, человек, о котором идет речь, наблюдал за ним с ухмылкой.

— Ну, благослови мое черное сердце, разве вы двое не сладки, как мед.

Раздраженный его насмешками, Джен вырвался из рук Бэй и встал, вытирая слюни с подбородка.

— Что ты здесь делаешь? Разве ты не потерял сошел с ума? Смеющийся Дракон, в ужасе убегающий от никчемного Бейлдага.

Его улыбка испарилась, Смеющийся Дракон плюнул в ноги Джену.

— Он не мог быть никчемным, болван, с отвисшей челюстью. Он был более опытным, чем любой щенок. Немного подумав, я решил, что он, должно быть, прапорщик Бекхая - «Падающий Рейн». Глаза, оружие, возраст - все подходит. Он сбитый с толку маленький говнюк, дурак, который даже не знает, что он один из освобожденных. Я бы хотел увидеть его лицо, когда они проведут расследование. — С холодным взглядом, Смеющийся Дракон добавил, — и не думай, что можешь издеваться надо мной только потому, что рядом с тобой Демон. Он и пальцем не пошевелит, если я выпотрошу тебя здесь и сейчас, так что следи за своим тоном. — Они долго смотрели друг на друга, Джен отказывался сдаваться. Хотя он был напуган всего день назад, многое изменилось за короткое время. Поняв это, Смеющийся Дракон усмехнулся и указал на Бэй. — Почему я здесь, Демон появился из ниоткуда и остановил нас от направления на север. Не позволяет никому из нас уйти, иначе я бы давно ушел.

Нахмурившись на Бэй, Джен поджал губы. Зачем ей понадобились головешки? Шлюха, некоторые вещи никогда не меняются.

— Объяснись.

Она снова наклонила голову назад и вперед, прежде чем указать на него правой рукой. Подняв указательный палец на левой руке, она указала на Смеющегося Дракона и подняла второй палец, затем показала на головешку и подняла третий. Это продолжалось до тех пор, пока она не подняла все пять пальцев левой руки, и в этот момент она указала на оставшихся головешек, затем она повернулась на юг, ее рука пронеслась по земле, как будто она собирала воздух в свои объятия. Повернувшись к Джэну, она снова склонила голову, спрашивая, понял ли он ее.

— Черт возьми, нет. — Смеющийся Дракон ответил первым. — Я ни за что не останусь, приближается Чистка. Пусть другие дураки сами о себе позаботятся. — И все же он не шевелился, скрестив руки на груди и поставив ноги.

Игнорируя его, Бэй продолжала смотреть на Джэна, его брови нахмурились. Отбросив мысли о ее неверности, он усомнился в ее мотивах.

— Ты хочешь, чтобы я нашел таких же, как я, и привел их к тебе? — Она кивнула, покачала головой и указала на север. — Привезти их на север? — Кивок. — Почему?

Ее губы расплылись в улыбке, когда она наклонилась вперед, чтобы прошептать ему на ухо. Низкий гортанный голос заставил его тело содрогнуться от боли, восхитительная агония распространилась по всему телу. Падая на землю, он кричал и извивался, истекая кровью из глаз, голос поглощал его разум, бесконечным эхом отдаваясь в его черепе. После того, как ему показалось, прошла вечность, Джен начал дрожать и задыхаться, боль утихла, он глядел на жену в шоке и замешательстве. Это была не Бэй, сила и злоба за голосом, от того, что он когда-либо слышал. Кто это говорил через нее?

Послание было простым, три коротких предложения.

— Больше не надо прятаться. Собери моих детей. Уничтожить Империю.

Улыбка расплзлась по ее лицу, когда она смотрела на север, Джен был поражен проявлением силы. У них были друзья за мостом, и независимо от того, насколько они сильны, им нужна была помощь Джэна, чтобы впустить их. Образы смерти и разрушения заполнили его разум, смакуя грядущие перемены. Ах, какое чудесное время, чтобы жить.

Время революции, кровопролития и расплаты.

<http://tl.rulate.ru/book/591/469933>